

Библиотека Лауреатов
«Рождественской звезды»

Виктор Мишкин

*Зимнее
время*

Стихи

Саранск
Типография «Красный Октябрь»
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М71

Мишкин В.
М71 Зимнее время : стихи / Виктор Мишкин. — Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2010. — 64 с.
ISBN 978-5-7493-1473-1

Виктор Мишкин родился в Саранске, окончил филологический факультет МГУ им. Н. П. Огарева. Пишет стихи, прозу, пьесы. Его стихи были опубликованы в сборниках «Серебряная нить» (2001), «Майская песня» (2005), журнале «Странник». Он — лауреат премии имени А. Н. Терентьева (1997), дипломант конкурса «Рождественская звезда» (2003). Участник I форума молодых писателей Приволжского федерального округа.

Книгу «Зимнее время» можно назвать подборкой стихов из циклов разных лет. Это первая книга поэта и рассчитана на ценителей хорошей профессиональной поэзии.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7493-1473-1

© Мишкин В. И., 2010

* * *

Хорошие стихи не требуются читать, они читаются сами.

Едва коснёшься взглядом первых строк, и сразу привычное становится рельефнее, обретает новые черты и наполняется неожиданным смыслом. И начинаешь видеть то, что, казалось бы, видел всегда, только всю жизнь проходил мимо, не останавливаясь и не обращая внимания. Следуешь за строкой и совершенно не замечаешь, как она ведёт тебя, напротив — уверен, что идёшь сам, потому что видишь в авторском взгляде свой, только давно забытый, и начинаешь замечать путь, отчего-то в своё время не пройденный...

Именно таков поэтический дар Виктора Мишкина. Читая или слушая его стихи, совершенно не тратишь время на осмысление, они

проникают в душу сами, без напряжения. А после уже заставляют задуматься, заглянуть в себя, а порой — и посмеяться над собственной близорукостью. Посмеяться весело, иногда с лёгкой грустью, с любовью к тем, кто тебя окружает. А за внешней лёгкостью строки разглядеть глубину, достойную мысли философа. И в любом случае — насладиться настоящей поэзией.

Однажды начав читать стихи Мишкина, уже не хочешь с ними расставаться. Невольно будешь ждать продолжения. Так давайте начнём, и продолжение обязательно последует...

*Александр Бажанов,
член Союза писателей России
Стас Нестерюк,
выпускник Литературного
института им. М. Горького*

Из цикла «УПРАЖНЕНИЯ»

* * *

Поэты светятся, как цезий, и
до космоса взлетают тучкою,
слов набросав в костер поэзии,
зажженный шариковой ручкою.
Такой ценою славы купленной
я б не хотел. Взгляните, зрячие:
поэтовой души обугленной
развалины еще горячие.
И жирный пепел восхищения
развеян ветром не без грации,
и это только лишь отмщение
за невниманье к гравитации.

* * *

Сегодня внезапно поломан сюжет
нашей неожиданною встречею.
Я видел, как мой кривоногий привет
грустно ушел незамеченным.

Но в каждом дожде я тебя узнаю.
И там, где миров какофония,
я все бы отдал за улыбку твою —
теплую, как штат Калифорния!

Виктор Мишкин

* * *

Звезда в темном небе тихонько дрожит.
Деревья сбежались на вече.
Испуганно магнитофоном визжит,
подвешенный за ноги вечер.
Упал день стремительно вниз головой.
Мелькнула последняя птица.
И только деревья, качая листвою,
не могут договориться.

* * *

В небе рассвета абрис
ломает ночную тьму.
Я не помню твой адрес...
И, в общем, он мне ни к чему.
И так, от счастья балдея,
живем на все двести — во!
Что б мог написать в письме я?
В общем-то —
ни-че-во!
Вот так вот в пространстве виснем.
Не спишь понапрасну ночь ты.
Для ненаписанных писем
еще не придумали почты...

Зимнее время

* * *

Весна — главком. Дождей отряды
штурмуют снег, собравшись с духом.
Весною все легко, и взгляды,
как пули щелкают над ухом.
Весна трет небо для порядка,
как тряпкой, веткою сирени.
Весна — болезнь и лихорадка,
а также смерть и воскресенье.
Прими капель привычной дозой.
Песок надежд греби лопатой.
Весна — мужчина с красной розой
и женщина с ручной гранатой.
Она всех ласково встречает.
На март всегда в народе мода.
Весна всегда обозначает
чуть больше, чем лишь время года.

Виктор Мишкин

Из цикла «КАМНИ»

МИФ

Какие были тогда времена!
Все было лучше, уж ты поверь!
И даже если случалась война,
то куда изящнее, чем теперь.
Вели лишь только благородный бой.
Изящны жесты, и вежлив язык.
В кровавой схватке герою герой
с поклоном наматывал кишки на штык.
И если в тумане вдруг попадал
пилот аэроплана на аэродром чужой,
то ему наливали вина бокал
и без помех отпускали домой.

* * *

Что-то сжимает горло и уже не уснуть.
Но можно смотреть на изгибы звездного сада.
Куда мы выйдем,
 если выйдем на Млечный Путь?
Куда бы то ни было — мне никуда не надо.
Но можно представить, что видишь,
 как летит в тишине
чистый и светлый ангел с глазами куклы.
Прости меня... Прости... Я вырос в стране,
где слово Бог писали с маленькой буквы.

Зимнее время

* * *

Это было. Но снова ново.
Нам надежда дарит отвагу.
По губам пробежало слово,
тихо спрыгнуло на бумагу.
Под прицелом и под картечью,
веря твердо в свои удачи,
ты готов отдать все за встречу,
если встреча так много значит.
Тебе будет мала безбрежность
океана, и легок ветер,
если все заполняет нежность,
ничего нет больше на свете.
Нежность, словно младенца зыбка.
Все нечетко, и мир так зыбок...
И важна лишь одна улыбка,
а я видел много улыбок.
Если взгляд во взгляде утонет,
ты лишишься своих сомнений.
Кто виновен, что жжет ладони
от обычных прикосновений.
Это было — но снова ново.
Это боль и жизни основа.
По губам пробежало слово,
и ты знаешь, какое слово...

КАМНИ

Ты не суйся в свободу, не зная броду.
Продырявлен невод и оборвана леска.
Я бросаю камни в мутную воду,
и они уходят на дно без всплеска.
И уходят камни беззвучной тенью.
Ни кругов, ни брызг, никакого звука.
Можешь спрятать невод — по своему хотенью
Золотую Рыбку скушала щука.
Развелось немало рыболовов храбрых,
их распилит время пилой ожидания.
Ах, какую бы тварь нам схватить за жабры,
чтоб питать на сковородке за три желанья!
Ну-ка, взвесим шансы —
без малого, тонна!
Только камни в воду. А что за горе?
Если б эта река не была бездонна,
то давно бы, конечно, здесь было море.
Так зачем же обманывать долю злую?
И куда нам опаздывать — мы успели.
Я у темного омута камни шлифую —
без сомненья, без страха, без зла...
Без цели.
Утюгов вдоль берега плывущая стая
навевает мысль, что нас не простили.
Я шлифую камни, отлично зная,
что моя работа потонет в иле.
Кто-то портит нам жизнь, испортив погоду.

Зимнее время

Очень скоро река превратится в лужу.
Заметем мы следы, и тогда — концы в воду.
Нет, верней, сами в воду — концы наружу.
Охлаждаясь болью и надеждой греясь,
ни Дунаем-Волгой, ни Днепром, ни Гангом,
плыл я мутной рекой, совсем не надеясь,
что на этот берег придут с аквалангом.
Это камни в ладонях, и ладони в камне.
Кто мне скажет, что я совершил ошибку?!
Все мы в мутной реке, точно камни канем.
Это все ничего.
Только жалко рыбку.

* * *

В темноте, как на мосту,
лишь один из прочих,
я глотаю пустоту
на ладони ночи.
Ничего нет впереди.
Хочется до дури
вынуть сердце из груди,
и сварить в кастрюле.
Что такого? Жизнь не мед.
Загибаюсь ночью
от несчастной... как ее?
Не любовь ли?
Точно!
Ночи мрак. Сто тысяч верст.
Много или мало?
До нее мне, как до звезд.
Это два квартала.
Далеко ли, близко, но,
если разобраться,
моим пальцам не дано
до нее касаться.
Кто-то черный, будто смоль,
мне кусает локти.
Загоняет в душу боль,
а любовь под ногти.
Как тоску прогнать взащей?
Ночь так долго длится.

Зимнее время

Черный кофе из ушей
скоро будет литься.
Не умноженный на два.
Сам себе шарада.
Я сказал не те слова.
А какие надо?

* * *

Солнце взошло и спросило:
«Ну что? Не ждали?»
Правда — не ждали.
Ведь им хорошо в темноте.
Это было в июне...
Нет, вру, это было в мае,
когда любовь в каждом доме висит
на гвозде.
Деревья что-то шептали рассвету на ушко
Взлетало в небо светило
(так взлетал Дедал).
Но шторы задернуты, телефон сломан,
и смята подушка,
как будто по ней взвод солдат маршировал.
Советует солнце, и я советую: пейте,
пейте любовь, а разлука на самом дне.
О их любви они ждали сообщения
агентства «Рейтер»,
но оно сообщило только о войне в Чечне.

Виктор Мишкин

Из цикла «ЗВЕЗДА «АГДАМ»

* * *

Тяжелый вечер. Хрупкая тоска.
На западе — апофеоз агоний.
Там солнце, как герой боевика,
по крышам уходило от погони,
и кровь текла по алым облакам,
за горизонт ползло, теряло силу;
неполная луна — как глаз стрелка,
прищуренный, — смотрела вслед светилу.
И в самый неожиданный момент —
настала ночь. Внезапно ночь настала.
Так рвется пленка старых кинолент
в который раз подряд.
Мрак кинозала.
Сюжет оборван. Лампы не горят.
И на галерке дальнего вокзала
локомотивы бешено свистят.

Зимнее время

* * *

Открыта жизни новая глава.
Зачем нам расписанья и режим?
Растет ковром зеленым трын-трава.
Так ляжем на траву и полежим!
Горит зарею новою восток.
Зарю такую где видали вы?!
И будет нам вливаться в жилы сок —
прекрасный сок волшебной трын-травы.
Вошли мы в рай. Узнали мы сим-сим.
Летит Земля. Качается слегка.
Мы на земле, как на кресте, висим,
под нами проплывают облака.
Зачем нам суетиться? Воевать?
Какой покой вкусили я и ты!
Теперь на все нам, в общем, наплевать.
Спокойны мы, как боги и цветы.
Спокойны мы, как боги и цветы!
Как боги и цветы, спокойны мы!
Нам не уйти от собственной мечты,
а также от чумы, сумы, тюрьмы.
Все ясно. От судьбы не скрыться нам.
Что будет — будет. Душу не триви.
И будем мы из бревен строить храм
(горящих бревен пламенной любви).
Ворота в храм откроет нам сим-сим.
Нам хорошо. И в этом мы правы.
Так ляжем на траву и полежим,
вдыхая ароматы трын-травы.

Виктор Мишкин

* * *

Вновь я заблудился в тех краях,
где обрывки фраз и там, и тут,
где на синтаксических полях
знаки препинания растут.
Заблудившись в лабиринте слов,
чувствуя себя тупым ослом,
самого себя кормить готов
запятыми, как сухим овсом.
Ночь роняет звезды на бегу.
И рассвет приходит налегке.
Я опять готов орать: «Ау!»,
заблудившись в русском языке.
Синтаксис — я связан с ним навек.
И все пишет (видно, за грехи)
сложноподчиненный человек
сложносочиненные стихи.

Виктор Мишкин

* * *

Уж вечер, ножку волоча,
вошел — поклон его величеству!
Горит оплывшая свеча,
как реквием по электричеству.
Дождь за окном, и липкий мрак.
И снова ветер воет люто.
А в комнате свеча как знак
покоя, лени и уюта.
Нет страха. Мысли так легки.
Средь темноты свеча, как знамя,
и озорные сквозняки
за шиворот хватают пламя.
Все дремлет в ожиданье дня.
Свеча коптит, и приступ лени.
И в такт движениям огня
на стенах польку пляшут тени.
Смотрю на пламя. У меня
два глаза — ни в одном нет сна.
Проблемы, бури — все неглавно.
Лишь свет свечи. И тишина.
И воск в ладонь стекает плавно.

Зимнее время

* * *

Классный стишок — он наподобье трассера.
Вспыхнет горящим жуком и уходит во тьму.
Каждый поэт обязан поиграть в Герасима.
И замолчать. И утопить Муму.
Лед бумаги — и ручка примерзла снова.
Словно снега Антарктиды листы чисты.
Каждый поэт, понявший всю ценность слова,
должен сперва оценить вкус немоты.

* * *

В небе синем грохочет гром.
Через скверы, мосты, сады
астроном идет в гастроном,
чтоб отметить открытие звезды.
Все, что было, выпив до дна
и отрезав хлеба сто грамм,
астроном напьется вина
и звезду назовет — «Агдам».
Все на радость, все на беду.
Каждый строит собственный путь.
Каждый должен открыть звезду.
И назвать ее как-нибудь.

Виктор Мишкин

* * *

Все просто, все очень просто.
Что может быть проще слов?
Слова, как желтое просо,
текут из мешка мозгов!
И, сидя в табачном дыме,
я свой сочиняю спич:
слова должны быть простыми,
как прямоугольный кирпич.
Я знаю, судьба сурова
в своем терновом венце.
Раз было в начале Слово —
Оно же будет в конце.
И все повторится снова.
И Слово решает все.
Все просто. Проще простого.
И даже проще еще.

ВОСЬМОЕ ВОСЬМИСТИШЬЕ

Любовь — у берега моря
маяк среди липкой тьмы;
глоток воды среди зноя
и водки глоток средь зимы;
то нищенка у порога,
то в золоте и парче;
любовь — это ладонь Бога,
лежащая на твоём плече.

Зимнее время

* * *

Закроет август за собою дверь.
Сегодня осень даст свой первый бал.
Я видел сам сегодня (верь — не верь),
как лето уходило на вокзал.
Сложив свой скarb в зеленый чемодан
(цветы и стаи перелетных птиц,
листвы кафтан, лучей тугой колчан,
портреты наших загорелых лиц,
подкову радуги, гроз гулкий барабан),
уходит лето, плача и ворча,
сославшись на простуду и мигрень,
по мокрому перрону волоча
свою сорокоградусную тень.
С престола черного календаря
веселый и беспечный свергнут царь.
Уходит он за теплые моря,
и остается только восклицать:
«Прощай, прощай! Как жаль! Увы и ах!»
Уходит поезд. Лета больше нет.
А осень нервно комкала в руках
платок тумана и махала вслед.

Виктор Мишкин

* * *

Мир сумасшедший идет на меня войной.
Бед и несчастий широко распахнута пасть.
Но ангел-хранитель стоит за моей спиной
и не дает мне погибнуть или упасть.
Пусть не достанется звонкая медь побед,
ангел-хранитель выбирает наши пути.
И я никогда не узнаю о тысячах бед,
которые он сумел от меня отвести.
Вот почему поселился в душе покой.
Вот почему мы с тобой спокойно уснем.
Ангел-хранитель стоит за моей спиной
и не смыкает глаз ни ночью, ни днем.

Зимнее время

* * *

Все так печально. Мысли сбились в ком.
Два пленных слова не могу связать.
Поэты с обожженным языком
пытаются нам что-то доказать.
Задвинув в угол солнечные дни,
поэты тень наводят на плетень.
В стране бумаги мало, а они
все что-то пишут. И писать не лень!
Как рыба на песке, раскрыв свой рот,
поэты замыкают черный круг.
Им хочется всходить на эшафот
и гвозди ржавые вытаскивать из рук.
Любой поэт — мошенник, лжец и плут.
Но в то же время — царь, пророк и жрец.
Проснешься утром, глядь, — уже несут
в постель — не чай! — расплавленный свинец.
Как надоела серых будней слизь!
Когда ж, поэт, ударит звонкий гром?
Неужто же в стране перевелись
поэты с обожженным языком?!

Виктор Мишкин

Из цикла «ТЕТРАДЬ»

НЕЖНОСТЬ

Мех соболя. Беличьи кисти.
Упругость детской щеки.
На дереве первые листья.
Пурпурных роз лепестки.
Густое вино в бокале.
Размытый ночной пейзаж.
Шелка. Оренбургские шали.
Халвы вкус. Тайский массаж.
Старинных друзей улыбки
и мякоть зрелых плодов.
Мелодия тихой скрипки
и запах французских духов.
Цвет беж. Приятные вести.
Весеннего солнца тепло.
Все это нежные вещи.
Ее взгляд — нежней всего.

* * *

Проходя мимо, знакомое увидел окно.
Но теперь, я знаю, меня там никто не ждет.
Все было, было уже настолько давно,
что с тех пор живая вода превратилась в лед.
Ничего не увидим мы, оглянувшись назад.
И стираются в памяти лица день ото дня.
Я забыл, какого цвета ее глаза,
а она не помнит — сколько глаз у меня...

Зимнее время

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

В городе, где больше луны, чем фонарей,
где больше луж, чем асфальта,
а молчание, словно крик,
он с каждым часом становится все старей,
замечая это по количеству прочитанных книг.
В городе, где выпивают меньше воды,
чем вина,
где нельзя заблудиться,
но можно легко пропасть,
изумляясь жизни, рот открыв,
он стоял у окна,
и луна, как дантист, заглядывала в его
щербатую пасть.
В городе, где даже новое как мир старо,
где деньги кладут в бутылку,
а вовсе не в банк,
он включал настольную лампу
и брал в руки перо,
и ложился под утро, как ложится
смертник под танк.
И он даже верил, что за осенью
будет зима,
а весна окажется внезапной,
как нервный тик —
в городе, где так приятно сходить с ума,
замечая это по количеству прочитанных книг.

Виктор Мишкин

* * *

Усталый мир — он похож на зомби.
Все было плохо, а будет хуже.
Возьми с собой бронированный зонтик —
сегодня на улице дождь из ножей.
Под тем дождем я бродил без цели.
Ненастной ночью я шел налегке.
Блестели лужи. Клинки звенели.
Стекали лезвия по моей щеке.

* * *

Снова не пишется? Съешь мухомор!
Два мухомора — чтоб вздулись прожилки!
В слове «творчество» спрятано «вор» —
автор ворует у Бога опилки.
Мир свой построить он все же не смог.
Как ни работал — в поту весь и в мыле.
Автор на свете один только — Бог.
И плагиаторы все остальные.

РОЖДЕСТВО

Цветы на детской ладони — любовь и вера.
Луна, как желтая кошка, в песок улеглась.
В ту ночь, когда завершилась старая эра,
а новая эра пока еще не началась.
Луна и эта пустыня до боли знакомы.
Все было как прежде,
оставаясь у всех на виду,
в ту ночь, когда сходили с ума астрономы,
увидев внезапно новую в небе звезду.
Луна на небе, как будто краюха хлеба.
И эта пустыня — кусок иссохшей земли.
В ту ночь, когда, задрав свои бороды в небо,
волхвы, спотыкаясь, по темной дороге шли.
Волхвы торопились,
спеша свое выполнить дело,
а где-то там, далеко, за последним холмом
в ту ночь беспечно росло и зеленело
то дерево, которое позже станет крестом.
И там, за холмом, творили себе кумира,
купались в грехе, ничего не желая знать,
в ту ночь, когда Спасителя целого мира
спасала от мира, прижав к груди своей, мать.
Лицо ее было светло, как у всех рожениц,
которые смотрят на то, как их дети спят.
В ту ночь, когда младенец
был просто младенец.
И только лишь этим пока еще был свят.

Виктор Мишкин

Из цикла «ПЕСНИ»

СТРЕКОЗА

Тополя задумчивы в этой глуши.
Помнишь теплый вечер и тот старый пруд?
В час, когда негромко шуршат камыши,
в розовые тапочки запад обут.
Дождь скользнул стремительно и ушел вдаль.
Вечера прозрачного акварель.
Тишина, звенящая, как хрусталь.
Тишина, поющая, как свирель.

Воздух пахнет мятою после грозы.
Помнишь, как с восторгом наблюдали с тобой
легкий и бесшумный полет стрекозы
над заросшей тиной зеленой водой.

Капли на деревьях блеснут, как слеза.
Стрекозы бесшумны и изящны полет.
Крылья перламутровы, а стрекоза
то скользнет стремительно, то замрет.
Стрекоза и мы с тобой — все навек.
Темный лес таинственен, как костел.
Помнишь, как лежали мы в мокрой траве
и смотрели в неба бездонный котел.

Воздух пахнет мятою после грозы.
Неба бесконечного свод голубой.
Легкий и бесшумный полет стрекозы
над заросшей тиной зеленой водой.

ПОЛЕГЧАЛО

Слава Богу — полегчало.
Словно реки, мысли вздулись.
От моей души-причала
баржи грусти оттолкнулись.
Скачет сердце обезьяной.
Я сегодня в город вышел.
Там весна, как клоун пьяный,
кувыркается на крышах.

Наконец-то — отпустило.
Снова небо рассмеялось.
Звонкими ручьями смыло
зимнюю хандру и вялость.
Вновь весна срывает клапан.
Ветер теплый — без коварства —
в пузырек двора накапал
марта горькое лекарство.

Счастлив либо просто молод
каждый третий или пятый.
И хохочет шумный город,
на кресте весны распятый.
Сколько света — нам все мало!
Солнце зиму вдрызг разбило!
Слава Богу — полегчало!
Наконец-то — отпустило!

МИЛАЯ МОЯ

Что ты смотришь в неба просинь,
грусти не тая?
Отчего ты любишь осень,
милая моя?
Наша осень еще будет,
а сейчас весна.
Видишь, как пьянеют люди,
выпимши вина.

Жить весной — катиться с кручи,
что ж так любишь ты
в небе сумрачные тучи,
желтые кусты?
Нас весна на семь умножит,
осень сдаст назад.
Отчего тебе дороже
грязь и листопад?

Жить весной — пороть горячку
да метать ножи.
Осенью ложатся в спячку
чувства, как ежи.
Дни рассыпаны, как бусы.
Город ветру сдан.
Отчего тебе по вкусу
в сентябре туман?

Зимнее время

Осень ждать, что за капризы?
Осенью, мой друг,
оформляют птицы визы,
чтоб лететь на юг.
Коль тебе туман по нраву —
ты меня не жди.
Осенью кафтан дубравы
штопают дожди.

Влез в любовь, как в кузов вроде.
Называюсь груздь.
Осенью тепло уходит,
а приходит грусть.
Осенью уходит лето
с солнечной сумой.
Наша песня будет спета
будущей зимой.

Ах, не надо было браться
за надежды гуж.
Осенью легко прощаться
среди грязных луж.
И уйдет из неба просинь
в дальние края.
Отчего ты любишь осень,
милая моя?

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

За лето я забыл про белый цвет.
Скакало время, точно Сивка Бурка.
А этой ночью выпал первый снег,
и город стал напоминать хирурга.
И этот город стал напоминать
красивый белый стих, звучащий складно,
застеленную простыней кровать,
в которую красавиц класть прохладно.
Напоминать бутылку молока.
Нестриженую бороду пророка.
Ворону-альбиноса. Облака.
Кошмарный сон араба из Марокко.

Амбары слов закрыты на засов.
А дни и ночи вновь по кругу бродят.
Совпало так, что стрелки всех часов
на время зимнее сегодня переводят.
Совпало все, как будто на заказ.
Выходит так, что этой ночью белой
есть лишний час. Есть целый лишний час.
Нам подарили час... А что с ним делать?

Зимнее время

И остается лишь смотреть в окно,
где белый снег, как китель для парада.
И белый ветер, как веретено,
наматывает пряжу снегопада.
Как бинт, ложится снег поверху ран.
Осенней грязью мир был изувечен.
Снег бел, как бел и пуст киноэкран
кинотеатра, что под снос намечен.
120 дней осталось до весны.
Снег падает легко и равномерно.
И где увидишь столько белизны?
Лишь в раздевалке ангелов, наверно.

Есть лишний час. Какой же в этом прок?
Седая ночь летит в волшебной ступе.
Что значит «время зимнее», дружок?
Будильник в теплой шапке и в тулупе!
И целый час потерян между строк.
Снег падает все гуще и все чаще.
Как будто с неба сыплют сахарок —
чтоб лишний час нам показался слаще...

ПОКА ЛЕТИТ ПУЛЯ

Неба перед боем
не бывает мало.
Пуля шла над полем
и тебя искала.
Днем и темной ночью
все тебя искала.
Эта пуля точно
твое имя знала.
И летела пуля.
Шла над снегом талым.
Как пчела из улья
со свинцовым жалом.
Как пчела из улья.
Как холодный ветер.
Так летела пуля,
в твоё сердце метя.

В свою душу веря,
головой рискуя,
знай — ещё есть время,
пока летит пуля.
Все гаданья лживы —
скоро ль грянет буря.
Живи, пока живы,
пока летит пуля.

Зимнее время

Местность незнакома,
и поземка катит.
А тебя ждут дома,
и накрыта скатерть.
Но летели пули —
те, что в сердце метят.
Знать бы, что за люди
тебя завтра встретят.
Хмурые солдаты.
Ласковые свахи.
Белые халаты.
Черные монахи.
Выбор — либо-либо.
И летела пуля.
Крупного калибра,
по приметам судя.

Белая сорока
трещит, гостя чуя.
Не умри до срока,
пока летит пуля.
Черный ворон вьется,
в небе крест рисуя.
Живи, как живется,
пока летит пуля.

Зимнее время

* * *

Что наша жизнь? Безнадежный путь.
Если есть надежда — так далеко.
Перед вашим рождением вам сказал
кто-нибудь,
что вам будет легко?
Кто вам сказал, что поймете вы суть?
Не будете в тьме кружить?
Перед вашим рождением вам сказал
кто-нибудь,
что вам понравится жить?

ДОМОЙ

Домой.
Поезд-нож режет вязкий белесый
рассветный туман. Нарушая покой,
стучат и стучат монотонно колеса,
как будто твердят раз за разом — «домой!»
Лицо лижет ветер. Все ближе до цели.
Ты выставил руку в окно и — как знать! —
возможно, сумеешь проверить на деле
избитую фразу — «рукою подать».
И прямо сейчас сможешь ты дотянуться
до улиц, которые всюду с тобой,
до улиц, куда точно стоит вернуться,
где можно сказать: «Я вернулся домой!»
Под горку судьбы поезд весело катит —

Виктор Мишкин

гремящий, как джаз, и упрямый, как вол.
И стелется путь твой легко, словно скатерть,
которая ляжет на праздничный стол:
за ним очень скоро друзья соберутся,
и стол никому не покажется мал.
И дело за малым — доехать. Вернуться.
Увидеть до боли знакомый вокзал.
«Я еду домой!» — ты готов кричать в рупор.
И нет ничего, о чем стоит жалеть.
Та дверь далеко, но уже ты нащупал
в кармане ключи и готов отпереть
рассветное небо и дать пинка солнцу —
встает пусть быстрее! — пусть мчатся часы.
Пусть станции мчатся навстречу оконцу,
как рвутся навстречу хозяину псы.
Чуть-чуть подождать только... Дело за
малым...

Увидите если, как вдруг — сам не свой —
пошел человек обниматься с вокзалом —
не надо мешать.
Он вернулся домой.

ОПИЛКИ

(стихи разных лет, не вошедшие в циклы)

КИТАЙСКАЯ ПРИТЧА

Была у портного кривая игла.
Какая напасть!
Другой бы, конечно, на месте его
мог взять и пропасть.
Но этот портной бывал вечно пьян.
Вино без вины.
И швы у него получались всегда
прямы и ровны.

* * *

Ты будешь жить. И умрешь. И у ворот рая
ты встретишь сурового ангела
с лицом самурая.
Он скажет: «Тебе туда!» — и кивнет назад.
Туда, где горит неонов вывеска «Ад».
Пойдешь ты туда, скользя по темной тропе.
У входа в отель тебя встретит
рогатый портье.
И будет светиться в глазах его ласковый свет,
когда он вежливо скажет:
«Простите, мест нет».
И ты поймешь, что не нужен ни там, ни тут.
Идти снова некуда, и снова нигде не ждут.
И ты замрешь, низко голову опустив,
как сотни раз замирал, когда был еще жив.

Виктор Мишкин

* * *

Нет, не сияет в мире райский свет.
И в этом мире райских нет селений.
А потому один простой совет:
живи не жалуясь, умри без сожалений.
Нет, не сладка жизнь — это не крющон.
Не вызовет сочувствий тот, кто воет.
Кто жалуется — тот весьма смешон.
Кто сожалеет — тот смешнее вдвое.
Всё в этом мире — грусть, и гнись, и грязь.
Совету следуй сам, другим советуй:
живи с улыбкой, умирай — смеясь.
И никогда и ни на что не сетуй.
Взлетая вверх или спускаясь вниз,
среди любых на свете поколений
благословенны, кто избрал девиз:
живи не жалуясь.
Умри — без сожалений.

* * *

Без аппетита утро съело мрак.
Проснулись все отъявленные сони.
На кухне сев, я наблюдаю, как
бесчинствуют синицы на балконе.
Они свистят не в такт и невпопад,
и прыгают отважно на морозе,
и то и дело клювами стучат,
как стая пьяных, очумевших Морзе.

Зимнее время

И, глядя на пернатых тех гостей,
я сам с собою находился в мире.
Последний выпуск птичьих новостей
на весь квартал звучит в прямом эфире.
И на исходе своих тусклых дней,
обидев СМИ, скажу (без обобщений)
что птичье SNN куда важней
всех радио- и телесообщений.

* * *

Закон притяжения слишком суров,
но лошадь считала смело:
не будь у нее на копытах подков —
она бы в небо взлетела.
И тяжести этой не будь на ногах,
исчезло б печали жало.
Она бы паслась на небесных лугах
и очень весело ржала.
Для лошади каждой отыщется плеть.
Всегда найдутся оковы
для тех, кто всю жизнь собирался взлететь —
но мешали подковы.
И все же однажды в глазах вспыхнет свет,
когда ты — такое дело —
отыщешь подкову. А лошади нет.
И ты вдруг поймешь — улетела.

* * *

Очень важен твой цвет и тон.
Тут не шутки вам и не смех.
Даже в стае белых ворон
есть одна, что белее всех.
Чуть молочнее остальных.
Чуть пооблачней. Чуть снежней
всех собратьев своих,
и они смеются над ней.
Не в глаза, а так, за спиной.
Не со злобой, а так, любя.
Но она теряет покой
и все меньше верит в себя.
И все чертит в небе круги,
высотой судьбу дразня.
Пусть ее совсем не враги
окружают, а сплошь друзья,
но по нервам бьет жгучий ток,
и терзает порой тоска —
то поодаль слышен смешок,
то косой взгляд исподтишка.
И твердит себе: «Не грусти!»
Но опять прогоняет сон
мысль отчаянная: уйти
в стаю серых простых ворон.
Тех ворон крикливая рать
будет злобно ее гнать,
но в ОТКРЫТУЮ презирать,
и в открытую не любить.

Зимнее время

В стае серых всех белых бьют.
Это было и будет вновь.
И когда совсем заклюют,
и когда из ран брызнет кровь —
в этом будет верный ответ:
лучше так, чем исход иной,
потому что лишь алый цвет
совместим с такой белизной.

* * *

Я хотел бы так умереть:
на тонущем судне, на крыше рубки,
сигарету покуривая, сидеть и смотреть,
как люди бьются за место в шлюпке.
И смотреть, как приближается смерть,
как океан мои пятки лижет.
Сигарету покуривая... сидеть и смотреть...
И опускаться все ниже... ниже...

ДИАЛОГ

— Скажи-ка, брат, где обитает Бог?
— Бог не живет на крышах синагог.
Не прячется в тени он от людей
под куполами золотых церквей.
И не в соборе вовсе его кров,
где слышен пряный звон колоколов,
что Он к тебе придет там — веришь зря,
Господь к тебе не спрыгнет с алтаря.
— Скажи же, брат, как к нам приходит Бог?
— Не ищет Бог проторенных дорог.
И двигаясь туда, где Его ждут,
Бог каждый раз меняет свой маршрут.
А главное же чудо из чудес,
что Он к нам не спускается с небес
сверкающих, а Бог приходит к нам
оттуда, где Его чудесный храм.
— Послушай, брат, а где же этот храм?
— Где этот храм, отлично знаешь сам.
Он там, где места нет лихим ветрам,
где фимиам восходит к небесам,
где всем сердцам
даруется покой,
где облаков холсты
над головой,

Зимнее время

где вовсе не бывает темноты,
где родники прозрачны и чисты,
где так легки шатры роц и дубрав,
где слышится «Мир вам!» в шуршанье трав,
где дышится без страха.

Страх нет.

— А что же, брат, там есть? Скажи мне...

— Свет.

— Так храм в раю?

— Послушай, не смейся.

Тот храм укрыт в глуши твоей души.

Не нужно быть особым мудрецом,

а нужно просто встать к себе лицом.

И без зеркал взглянуть себе в глаза,

и не шагнуть, страх одолев, назад.

Любви навстречу душу распахнуть,

и Бог придет к тебе — и в этом суть.

И ты поймешь отлично с этих пор,

зачем покрыли золотом собор.

Тогда поймешь, зачем на церкви крест

показывает в сторону небес,

и ты поймешь, где тьмы и света грань...

— А как же, брат...

— Да надоел! Отстань.

Виктор Мишкин

ТЕАТР

Трагические пьесы зритель ценит.
А жизнь — всегда с трагическим сюжетом.
Мечта актера — умереть на сцене.
Мечта всех зрителей — присутствовать
при этом.

Какое будоражащее чувство —
смесь любопытства, жалости, испуга —
в момент, когда реальность и искусство
в трагический клубок сплетутся туго.
Театр — бизнес, если кто не знает.
И по уму — в трагическую дату —
когда актер на сцене умирает,
со зрителей брать следует доплату
за лишний кайф и за возможность после
рассказывать друзьям: я видел как-то
актера смерть. Я находился возле.
Чуть-чуть не дотянул он до антракта.
Любой актер свою имеет цену.
Но роль играть нет смысла без азарта.
Так будь готов, выходишь коль на сцену,
вперед ногами выйти из театра.
Актера гибель — лакомство для прессы.
Но кончится чем все, конечно, знал он.
Весь мир — театр. Люди словно пьесы.
И каждая — с трагическим финалом.

Зимнее время

* * *

Не зря в усмешке кривлю я рот —
лежат у меня в башке
в одном мешке шило и кот,
шило и кот в мешке.
В моем мешке всегда темнота —
пусть даже при свете дня.
И если удастся спрятать кота,
то шило выдаст меня.
Всю жизнь мечтал я пойти на взлет —
да, видно, тонка кишка.
И шило колетса, кот орет
и рвется прочь из мешка.
Мешок дырявый. И знаю я,
что скоро конец придет.
И то ли шило проткнет меня,
а то ли кот загрызет.
Я страх пытаюсь топить в вине.
Вина мне нужен горшок!
Будь проклят тот, кто подсунул мне
кота и шило в мешок!

Из цикла «ПОСЛЕДНЕЕ»

МОЛЧАНИЕ

Не буди в себе творчества зверя.
Утомляет его рычание.
И свободе слова теперь я
предпочту свободу молчания.
От бредовых надежд избавься.
Голова пуста, как пакгауз.
Мне не надо славы, так славься
торжество многоточий и пауз...
Лоб задело
полено сплина.
Я не верю в искусство — слепок,
снятый с жизни. Пустое дело.
Как от порции новокаина,
ладонь правая онемела.
Что еще сказать напоследок
кроме горького: «Надоело»?..
Только то, что искусство выжить
в наше время — залог успеха.
Если что и удастся выжать
на бумагу, мучая грыжу,
это будет всего лишь эхо
старых слов и чужих мелодий...
Черно-белые жизни полосы...
И при всем нечестном народе
я отказываюсь от голоса...

УГОЛОК ЧИФИРИСТА

Если тошно и хочется выть,
ты запри покрепче свой дом.
Завари индийской травы
из коробки с желтым слонком.
И чем крепче твой будет чай,
тем скорей наступит покой.
О минувшем не вспоминай
и на завтра планов не строй.
Кипяток и любви ожог
постепенно должны остыть.
Все могло быть хуже, дружок.
Или даже совсем не быть.
Навалилось сразу семь бед.
Но ответ, наверное, прост.
Только жаль, что ответа нет
на твой самый главный вопрос.
Не горюй. Разожми ладонь.
Не пытайся понять, в чем суть.
Отдыхай. Смотри на огонь.
Все равно уже не уснуть.
Не кляни удары судьбы.
Кипяток из чайника лей.
Не жалея индийской травы.
Ни о чем вообще не жалея.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Багровым пламенем пылают зарницы.
Как и прежде — беда кругом.
Изменились лица. Сместились границы.
Земля русская! Ты уже за холмом?! ...

Будет красной снова вода в Каяле.
Отчего так бывает, хоть бейся лбом,
что поле русское засеять костями
гораздо проще, чем отборным зерном.
В речке Каяле захлебнется надежда.
Все как прежде. Просвета нет.
И Ярославна рыдает как прежде,
не сходя с забрала две тысячи лет.
В княжеском тереме снова попойка.
Что там шумит за грядой холмов?
То ли просто ударная стройка,
то ли топот половецких полков.
Не мудрено раньше срока загнуться.
Те, кто желает взять жирный куш,
выбившись в князи, за власть дерутся,
хотя не мешало б сходить сперва в душ...
Все как прежде. Война. Раздоры.
Междоусобицы. Просто срам.
Что там скажут экскурсоводы,
проводя экскурсию по святым местам?..

Зимнее время

Каркают вороны: «Будет хуже!»
На костях прорастает седой бурьян...
(— Обратите внимание: древо... лужа...
Здесь растекся мыслью легендарный Боян...)

ПЕРЕКРЕСТОК

В небе рассыпаны звездные блески.
Темною ночью не видно пути.
Светофор, мерцающий на перекрестке,
стережет дорогу, как пес на цепи.
В густой темноте расплываются лица.
Город уснувший сомкнул уста.
На перекрестке легко молиться,
поскольку находишься в центре креста.
Поскольку небо всегда безбрежно,
то можно надеяться, что с нами Бог.
На перекрестке всегда есть надежда,
что не выбрал одну
из трех неверных дорог.

ЕСЛИ

Я из странной породы огородных пугал.
Сам себя пугаю. Певец подпольный.
Я пытаюсь всюду отыскать пятый угол,
даже в том случае, если дом треугольный.
Я странный представитель народной массы.
Нередко мне вслед пожимают плечами.
Если бы был я негроидной расы —
все бы об меня спотыкались ногами.
Моя душа — что дырявый бредень.
Так вот и тянет напиться в доску.
Если бы родился я белым медведем,
то был бы, наверно, все равно в полоску.
Я странный представитель кривой эпохи.
Не верю веяням — ни старым, ни новым.
Но если бы жил я при царе Горохе,
то стал бы и сам чем-нибудь бобовым.
Я, впрочем, имею упрямый норов.
И часто в толпе оставался голым.
Я был бы в списке неправильных глаголов,
если бы был английским глаголом.
Вспоминая о прошлом, заходишься в кашле.
Размышляя о будущем, нервно куришь.
Будь я часами на Спасской башне —
я б вместо времени показывал кукиш.

Виктор Мишкин

ПЛАЧ

Как мудрец, наконец-то сумевший
решить задачу.
Как снежинка в небе. Как ветер.
Танцуй, танцуй.
Успокойся, моя дорогая, ведь я не плачу.
Это капли дождя стекают вновь по лицу.
Это осень настала. А осень как будто плаха.
Разрывается сердце, но я не способен на плач.
В наше время лишь только небо умеет плакать
и чуть-чуть еще дети, у которых отняли мяч.

ВЕСЕННЕЕ

Опускается мрак,
этой ночью без сна
рассказать тебе, как
начиналась весна?
Рассказать тебе, как
на спине февраля
вопросительный знак
рисовала заря?
Как воскресли поля,
опровергнув невежд,
как вздыхала земля
от неясных надежд,
как горела звезда
над моей головой,
как шепталась вода

Зимнее время

с водосточной трубой,
как звенели ручьи
по весенней поре:
«Мы ничьи, мы ничьи!»
Как в соседнем дворе,
отогнав прочь метель,
без забот и труда
март сосал карамель
пожелтевшего льда,
как среди тишины
нес холодный туман
на рогах диск Луны,
словно зверь каркаданн,
в черной чаше без дна
таял воск снежных глыб,
уходила страна
из созвездия Рыб,
уходила страна
из холодной зимы,
бушевала весна
и бродили умы;
было все впереди,
была чистой тетрадь,
и томилось в груди
то, что не передать.
О последней весне
рассказать я готов,
если слов хватит мне...
Но не хватит мне слов.

ПТИЦЫ

Вечер — пора закатная.
Спряталось солнца личико.
Плечи берез покатые
усеяны стаей птичею.
Орут, клювами щелкая,
их голоса отчетливы.
Небо почему-то желтое.
Птицы почему-то черные.
Откуда их столько? Господи!
Зачем летают и бесятся?
В этом холодном городе.
В самом суровом месяце.
Эти черные рыцари
глядят на нас сверху буками.
Кроны усеяны птицами,
словно страницы буквами.
Сели и снова ринулись
в небо с яростным пением,
эта шальная клинопись
не поддается чтению.
Друг мой, глаза из олова,
что же ты, зябко кутаясь,
встал, запрокинув голову,
не небо ли выпить вздумалось?
Были мы птицами вольными,
но ничего нет вечного.

Зимнее время

Сердце сжимается. Больно мне
этим холодным вечером.
Птицы чеканно выбиты
в медном куполе города.
Жаль, что больше нет выпивки.
Жаль, что больше не молоды.
Ладонь у времени жесткая.
Все мы — коты ученые.
Небо сегодня желтое...
Птицы сегодня черные...

КРАСОТА

Таким, как она, актрисами
не быть. Не называть их милыми.
Но эта красавица писана
симпатическими чернилами.
Пока что в оковы скована
красота ее птицей раненой —
будет она расшифрована
темною ночью шафрановой.
И в яму любви провалится
счастливец неведомой нации,
когда, наконец, проявится
этой красавицы грация.

Виктор Мишкин

ДОЖДЬ

Ветер резвится над городом всласть.
Молния в небе как гвоздь.
Сколько же капель должно упасть,
чтобы назвать это — «дождь»?
Капли, покинув небесный кров,
не признают отчизн.
Сколько я должен увидеть снов,
чтобы назвать это — «жизнь»?
С темного неба упала вода.
Капли стучат о жезь.
Я их считаю. И, как всегда,
сбиваюсь на счете «шесть».

СОДЕРЖАНИЕ

Из цикла «УПРАЖНЕНИЯ»	
«Поэты светятся, как цезий...»	5
«Сегодня внезапно поломан сюжет...»	5
«Звезда в темном небе тихонько дрожит...»	6
«В небе рассвета абрис...»	6
«Весна — главком. Дождей отряды...»	7
Из цикла «КАМНИ»	
Миф	8
«Что-то сжимает горло и уже не уснуть...»	8
«Это было. Но снова ново...»	9
Камни	10
«В темноте, как на мосту...»	12
«Солнце взошло и спросило...»	13
Из цикла «ЗВЕЗДА «АГДАМ»	
«Тяжелый вечер. Хрупкая тоска...»	14
«Открыта жизни новая глава...»	15
«Вновь я заблудился в тех краях...»	16
«Ты нынче в моде...»	17
Фаталист	17
«Уж вечер, ножку волоча...»	18
«Классный стишок — он наподобье трассера...»	19
«В небе синем грохочет гром...»	19
«Все просто, все очень просто...»	20
Восьмое восьмистишие	20
«Закроет август за собою дверь...»	21
«Мир сумасшедший идет на меня войной...»	22
«Все так печально. Мысли сбились в ком...»	23
Из цикла «ТЕТРАДЬ»	
Нежность	24
«Проходя мимо, знакомое увидел окно...»	24
Провинциальный мыслитель	25
«Усталый мир — он похож на зомби...»	26
«Снова не пишется? Съешь мухомор!...»	26
Рождество	27

Из цикла «ПЕСНИ»	
Стрекоза	28
Полегчало	29
Милая моя	30
Зимнее время	32
Пока летит пуля	34
Ночь	36
Стихи из романа «ОРДЕН ХРОМЫХ»	
«Альпинист на вершине горы...»	37
«Что наша жизнь? Безнадежный путь...»	39
Домой	39
ОПИЛКИ (стихи разных лет)	
Китайская притча	41
«Ты будешь жить. И умрёшь...»	41
«Нет, не сияет в мире райский свет...»	42
«Без аппетита утро съело мрак...»	42
«Закон притяжения слишком суров...»	43
«Очень важен твой цвет и тон...»	44
«Я хотел бы так умереть...»	45
Диалог	46
Театр	48
«Не зря в усмешке кривлю я рот...»	48
Из цикла «ПОСЛЕДНЕЕ»	
Молчание	50
Уголок чифириста	51
Интерпретация	52
Перекресток	53
Если	54
Поэзия	55
Плач	56
Весеннее	56
Птицы	58
Красота	59
Дождь	60
Воскресение	61

Литературно-художественное издание

МИШКИН Виктор Иванович

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Стихи

*На обложке: иллюстрация
Виктора Конадейкина*

Компьютерная верстка: *Пивцайкина Н. М.*

ISBN 978-5-7493-1473-1

Подписано в печать 15.01.10. Формат 60 × 84¹/₃₂.
Усл. печ. л. 1,9. Тираж 300 экз. Заказ № 5610

ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а

